3. Маркина П. В. Формирование компетенции преподавателя русского языка как иностранного через осмысление трудностей китайских студентов / П. В. Маркина, О. В. Беспалова // Глобальный научный потенциал. – 2026. – № 2–1(179). – С. 98–101.

Шишкова Валерия Евгеньевна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Косых Елена Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ В БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЕ №7

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-грамматические особенности берестяной грамоты № 7 (Новгород, XII–XIII вв.), перевод которой остаётся дискуссионным. Актуальность связана с уточнением содержания и восполнением лакун в исторической лексикографии. Сопоставлены два варианта членения текста, выявлены проблемные зоны: вариативность сегментации, диалектные черты, гапаксы. Предложено прочтение, не требующее реконструкций. Результаты могут применяться при комментировании берестяных грамот.
Ключевые слова: берестяные грамоты, древненовгородский диалект, членение текста, гапаксы.

Shishkova V. E.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines the lexico-grammatical features of birchbark letter No. 7 (Novgorod, 12th–13th centuries), whose translation remains debatable. The relevance stems from the need to clarify its content and fill gaps in historical lexicography. Two variants of word segmentation are compared; problematic areas are identified: segmentation variability, dialectal features, and hapaxes. A reading that requires no reconstruction is proposed. The results may be applied to the commentary of birchbark letters.
Keywords: birchbark letters, Old Novgorod dialect, word segmentation, hapaxes.

IDENTIFICATION OF LEXICAL AND GRAMMATICAL FORMS IN BIRCHBARK LETTER NO. 7

Берестяные грамоты являются уникальным источником информации по истории русского языка, экономике и повседневной жизни средневекового Новгорода. Среди них особое место занимают тексты, до сих пор не получившие однозначного перевода из-за фрагментарной сохранности, неясного членения на слова и присутствия лексем, не зафиксированных в нормативных словарях древнерусского языка. К таким памятникам относится и берестяная грамота № 7 (далее – Гр. 7), найденная в 1951 г. и датируемая последней четвертью XII – первой четвертью XIII в. (предпочтительно не ранее конца XII в.) [2, с. 191]. В настоящей статье предпринята попытка уточнить содержание грамоты путём альтернативного членения текста на слова и идентификации его лексико-грамматических форм. Актуальность исследования определяется необходимостью восполнения лакун в диалектной и исторической лексикографии, а также важностью критического сопоставления интерпретаций. Цель работы – выявить лексические и грамматические особенности Гр. 7, опираясь на два варианта прочтения: традиционный и авторский. Объектом выступает сама берестяная грамота в её известной публикации,

предметом – лексические и грамматические явления, влияющие на семантическую интерпретацию. Новизна заключается в том, что предлагается вариант прочтения, не требующий реконструкции предполагаемых фрагментов, и впервые системно сопоставляются два подхода к сегментации спорного отрезка.

Теоретической основой послужили работы А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова [1], М. А. Бобрик [2], А. А. Гиппиуса [3], Д. Г. Демидова [4], А. А. Зализняка [5], а также справочник под редакцией Я. Н. Щапова [6].

Воспроизведём текст Гр. 7 в нормализованной орфографии по публикации [1, с. 36–38] и с учётом последующих уточнений:

…сочита оу короман…

…сороке лисичь сороке…

…ко осмь шесть бьбороко…

Традиционное прочтение, представленное А. А. Зализняком, восстанавливает утраченные буквы и даёт перевод, существенно опирающийся на конъектуры: «…сочита оу Короман(а) … (гри)вьно сороке лисичь соро(ке) … ко осмь шесть бьбороко» – «сосчитайте у Коромана… гривну, сорок лисиц, сорок… к восьми [прибавьте] шесть бобров» [4, с. 139, 452]. В этом варианте глагол *сочита* трактуется как императив 2 л. мн. ч. от *сочити* ‘искать, разыскивать; подсчитывать’ [5, с. 237]. Данная версия вводит в текст денежную единицу *гривьно*, восстанавливая целых три буквы – «гри» – на месте только двух начальных – «вь». А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров в первом издании предлагали иное восстановление – «(су)кьно», т. е. сукно [1, с. 36–37]; они же рассматривали *сочита* как форму двойственного числа повелительного наклонения. В то же время Д. Г. Демидов интерпретирует *сочита* как аорист от глагола *съчитати* (‘сосчитали’), подчёркивая, что аорист был общерусской формой прошедшего времени, хорошо известной новгородцам, хотя в деловых грамотах чаще встречаются императив или настоящее время [3, с. 44]. Обе грамматические трактовки – и императив, и аорист – не противоречат контексту подсчёта, однако морфологическая неоднозначность остаётся.

Что касается личности Коромана, то на данный момент у исследователей нет единого мнения о том, кем именно он был. По мнению А. А. Гиппиуса, имя Короман может иметь тюркское происхождение, что не является чем-то необычным для древнего Новгорода. В документе он выступает в роли человека, с которого сборщики податей должны были взыскать долг [3].

Предлагаемый вариант членения основывается на отказе от реконструкции и на ином прочтении спорного стыка букв. Текст делится следующим образом:

сочита оу короман кь но сороке лисичь сороке ко осмь шесть бьбороко

Перевод: «Сосчитайте у Коромана… к нынешним сорока́м лисьим, [ещё] сорок… к восьми [добавьте] шесть бобров». Таким образом, всё сводится к натуральному учёту пушнины, а денежная единица не упоминается.

Рассмотрим основные проблемные зоны.

Первая зона – членение сочетания букв после *оу короман*. Традиционно усматривается начало слова *гривьно* (либо *сукьно*, как в первом издании), для чего необходимо восстановить несколько букв. В нашем варианте это **кь но**, т. е. предлог *къ* и форма *но*, которую мы интерпретируем как дат. пад. мн. ч. от местоимения *нъ* ‘тот, этот’ либо как редуцированную форму от *нънѣ* ‘ныне’. Аналогичное употребление предлога *къ* с дательным падежом для указания на прибавление широко распространено в деловой письменности: *къ темъ сорокомъ лисичь*. Графически такое чтение не требует постулирования отсутствующих букв и согласуется с реальными следами чернил, где видны лишь вертикальные штрихи, допускающие как «вьно», так и «кь но».

Вторая зона – форма **сороке**. В традиционном прочтении она считается либо местным падежом ед. ч. счётного существительного *сорокъ*, либо восстанавливается *соро(ке)* как дат. пад. того же слова. В нашей интерпретации первое *сороке* – дат. пад. мн. ч. (к сорокам), а

второе – вин. пад. ед. ч. (добавьте сорок). Окончание -е в дат. пад. мн. ч. слов типа *сорокъ* закономерно для древненовгородского диалекта.

Третья зона – сам глагол **сочита**. Как уже отмечено, он может трактоваться и как императив, и как аорист. Если принимать аористное прочтение («сосчитали»), то вся фраза приобретает повествовательный характер: «Сосчитали у Коромана… к сорокам лисьим, [ещё] сорок… к восьми шесть бобров». Однако наличие в тексте *ко осмь шесть* (‘к восьми добавьте шесть’) с отчётливым побудительным значением делает более вероятным императивное понимание всего фрагмента. Независимо от этого, предлагаемое членение остаётся одинаково совместимым с обеими трактовками глагола.

Четвёртая зона – гапакс **бьбороко**. М. А. Бобрик, посвятившая этому слову специальные «Маргиналии», отвергает версию описки и присоединяется к первоначальному толкованию издателей грамоты: *бьбороко* – род. пад. мн. ч. от уменьшительного *боброкъ* ‘небольшой бобр, бобрик’ [2, с. 191–192]. Исследовательница приводит убедительные параллели: прозвище князя Дмитрия Волынского *Боброк*, гидроним *Бобрка*. Таким образом, речь идёт о шести шкурках небольших бобров. Предлагаемая форма *бьбороко* отражает падение редуцированных и прояснение конечного ъ > о после утраты слабого редуцированного в основе, что характерно для позднедревнерусской диалектной фонетики. Показательно, что наше чтение не требует замены *бьбороко* на «правильное» *бьборово*, в отличие от традиционной интерпретации.

Прилагательное **лисичь** представляет собой диалектную форму родительного падежа множественного числа с окончанием *-ичь*, характерную для древненовгородского диалекта, что подтверждает региональную принадлежность текста.

Сопоставляя два прочтения, видим, что традиционное удобно вписывается в денежно-товарный контекст, но опирается на палеографически уязвимую реконструкцию «(гри)вьно» (или «(су)кьно») и «соро(ке)». Авторский вариант, напротив, не восстанавливает ни одной отсутствующей буквы, целиком обходясь наличными графическими данными, и даёт семантически связную картину чисто натурального учёта пушнины. Конструкция *ко осмь шесть* типична для деловой переписки: предлог *къ* с дательным падежом обозначает группу, к которой относится дополнение *шесть бьбороко*. Семантически такая интерпретация хорошо соотносится с реалиями охотничье-промыслового Новгорода, где основными единицами счёта служили именно меховые партии (сорока́), а денежное исчисление возникало вторично. Кроме того, признание формы *бьбороко* гапаксом-диминутивом обогащает словарь древнерусской зоолексики.

Таким образом, анализ лексических и грамматических форм берестяной грамоты № 7 показал, что ключевая сложность её интерпретации состоит в сегментации спорного участка текста. Альтернативное членение, исключающее реконструкцию «(гри)вьно» и «соро(ке)», позволяет прочитать грамоту как поручение подсчитать у Коромана партии лисиц, ещё один сорок и прибавить к восьми (ранее учтённым) шесть бобров. Идентифицированы: форма императива 2 л. мн. ч. *сочита* (допустима также аористная трактовка), дат. пад. мн. ч. *сороке*, диалектный комплекс *кь но* и гапакс *бьбороко*, обозначающий небольших бобров или бобровые шкурки. Уточнённые лексемы и грамматические формы пополняют наши сведения о древненовгородском диалекте и могут найти применение как в исторической лексикографии, так и в учебных курсах.

Список источников

1. Арциховский, А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.) / А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1953. – 68 с.

2. Бобрик, М. А. Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики / М. А. Бобрик // Русский язык в научном освещении. – 2014. – № 2 (28). – С. 191–201.

3. Гиппиус, А. А. Берестяная грамота № 7 из Великого Новгорода была адресована двоим древним коллекторам: [интервью] / А. А. Гиппиус; беседовала Е. Кузьмина // Новгородские ведомости. – 2023. – 30 авг. – URL: https://novvedomosti.ru/news/culture/91564/ (дата обращения: 10.05.2026).

4. Демидов, Д. Г. Эловая форма и аорист в языке берестяных грамот / Д. Г. Демидов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – Выпуск 4, ч. I. – С. 43–54.

5. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – 2-е изд., переработанное и дополненное – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.

6. Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: аннотированный каталог-справочник / под ред. Я. Н. Щапова. – Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2003. – 384 с. (упоминание грамоты № 7 – с. 237).